

вывоз хлеба (*Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 163*). До 1913 г. стоимость сибирского масла была выше стоимости всей продукции горной промышленности и выше стоимости среднегодовой добычи золота всей империи (*Жизнь Сибири. 1922. № 11. С. 61*). Об успехах российского артельного движения говорит тот факт, что ныне существующий финский кооператив «Валио» — это современная копия ССМА. Российская потребкооперация вошла в историю как социально-ориентированная система, ставшая одной из массовых и сильных в мире.

В.В. ЧЕРНЫХ

ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Манифестом от 8 сентября 1802 г. в России было создано Министерство внутренних дел (МВД). Во главе полиции стояли обер-полицмейстеры, под непосредственным началом которых находились Управы благочиния, в задачу которых входило централизованное управление пожарной охраной. Непосредственно борьбу с огнем вели пожарные команды, которые имелись при полицейских частях. Своим появлением они обязаны Указу императора Александра I от 24-го июня 1803 г. С этой даты постепенно в губернских городах начинают формироваться профессиональные подразделения для борьбы с пожарами.

Первые три пожарно-полицейские команды в Иркутской губернии были созданы в 1808 г. в самом губернском городе. Определенная в конце XVIII в. структура городского деления предусматривала иметь в каждой части большого губернского города полицейскую команду, подчиненную частному приставу. Этим же уставом было определено «в каждой части иметь брандмейстера или огня гасительного мастера» со штатом пожарных служителей (*Устав благочиния. Ст. 79 // Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. М., 1985. С. 344–345*). Брандмейстер подчинялся частному приставу, со второй половины XIX в. — городничему и полицмейстеру. Пожарные входили (до 1911 г.) в состав служащих городской полиции на правах специализированного формирования. Содержание городской полиции и пожарной команды, обеспечение их жалованием и всеми видами довольствия было вменено в обязанность городского управления. Профессиональные пожарные команды снабжались униформой военного образца и имели знаки различия, но не имели военной организации. Их чины служили по вольному найму и не считались военнослужащими.

Первые сведения об организации Верхнеудинской пожарной охраны относятся также к началу XIX в. Частые пожары вызывали беспокойство городской знати. Это находило отражение в вынесение вопросов пожар-

ного состояния города в Городской управе, которая принимала некоторые предупредительные распоряжения, особенно на весенне-летний период. Но они не приносили должных результатов. В 1803 г. Иркутскому губернатору было послано прошение: «... для машин, бочек и людей, чтобы они были всегда в готовности, поставить избу... с нарами для людей и створными дверями, а на ней каланчу с колоколом...» В этом же письме просили разрешить содержать 8 пожарных служителей и одного машиниста. Губернатор в строительстве депо отказал, но согласился содержать при полиции 7 пожарных лошадей, одного конюха, одного машиниста и одного трубочиста (Бузунов В.Ф. *Пожарная охрана прежде и теперь. Улан-Удэ, 1983. С. 33*).

Тем не менее, к октябрю 1815 г. пожарная охрана в Верхнеудинске была создана. Находилась она тогда на содержании Городской управы, а непосредственное руководство ею осуществлялось городничим. 23 апреля 1819 г. в Верхнеудинске создается штатная пожарная команда в составе: брандмейстер — 1, машинщик (мастер пожарного насоса) — 1, конюх — 1, трубочист — 1 и 10 солдат, не пригодных к строевой службе, прикомандированных от Верхнеудинской воинской инвалидной команды (Там же). Этот же принцип был положен при организации Селенгинской пожарной команды, созданной 15 января 1861 г.

В первой половине XIX в. требования к застройке городов возрастают. По строительному Уставу 1857 г. запрещалось строить деревянные здания, у которых нижний этаж каменный, а верхний деревянный, и лишь в некоторых городах империи допускалось строительство деревянных двухэтажных зданий. К таким городам был отнесен и Иркутск.

Однако для возведения подобного рода зданий необходимо было разрешение хозяйственного департамента МВД. И если на просьбу Иркутского губернатора в 1865 г. о возведении вторых деревянных этажей на первый каменный МВД ответило одобрительно, то уже в 1882 г. аналогичное ходатайство удовлетворено не было, что свидетельствует о возросших требованиях к градостроительству и повышению внимания к пожароопасному состоянию городов.

27 октября 1830 г. вышли правила о сельском строительстве. Ширина улиц в селениях устанавливалась в 20 сажен. Крестьянские дворы должны были находиться на расстоянии от 4 до 6 сажен, в зависимости от величины двора. Дворы объединялись в гнезда от 2 до 8, в зависимости от местных условий. Гнезда между собой разделялись переулком или проездом шириною в 6 сажен.

Профессиональных пожарных команд в городах даже к концу XIX в. было мало. В селах же существовала всеобщая пожарная натуральная повинность: все совершеннолетние крестьяне обязаны были принимать участие в тушении пожаров теми огнегасительными орудиями, которые положены были им по расписанию. В каждом селении должны были

быть всегда в готовности пожарные снаряды, которые обязаны были храниться при церквях или пожарной каланче.

Сельские старшины производили расписание всех жителей по числу дворов, устанавливая, с какими огнегасительными снарядами те должны являться по первому зову. Сельский старшина обязан был следить, чтобы пожарные орудия труда и принадлежности содержались в исправном состоянии.

В реальности же инспекционные проверки показывали, что отношение к пожарному состоянию сельских старост и его подопечных чаще всего было беспечным. Редко где пожарный инвентарь соответствовал требованиям инструкции и нормам положенности. Поэтому нередки были случаи, когда пожар заставлял врасплох население того или иного поселка и заканчивался настоящей трагедией. Так, в ночь с 22 на 23 марта 1888 г. в селе Мухоршибир (Верхнеудинский округ) сгорели дом, лавка с товарами и вся пристройка местного торговца Н. Соловейчика, где он хранил 3 пуда пороха и большие запасы керосина. В первом часу ночи произошел взрыв, в результате которого было тяжело ранено 2 чел. Убыток — 20 000 р. При проверке пожарного состояния оказалось, что в селе имеются два багра и бочка, которая стояла в километре от поселка и служила весною мишенью для охотников (*Восточное обозрение. 1888. № 14. С. 7*).

Подобных фактов можно привести десятки. Однако часто и наличие пожарных частей не меняло обстановки с пожарами. В 1888 г. огнем был нанесен огромный урон Кяхтинскому пароходному товариществу. Главной причиной оказалась неготовность пожарной части противодействовать пожару. Машины пожарной части находились за 5 верст, пожарные рукава были испорчены, ликвидировать пожар пришлось вручную. Такое отношение к пожарному делу было связано с психологией людей, убежденных, что непосредственно встреча с огнем их минует.

В 1853 г. Министерству внутренних дел было предоставлено право утверждать составленные губернским начальством проекты штатов пожарных команд для отдельных городов. К положению, подписанному царем, была приложена нормальная табель, в соответствии которой и утверждались штаты пожарных команд. Это положение стало началом планомерного устройства пожарных частей во всех городах империи.

Организация пожарной охраны по «нормальной табели» упростила сложную процедуру утверждения штатов, требовавших ранее санкции законодательной власти. Состав штата команды теперь стал определяться в зависимости от численности населения того или иного города, и этим несомненно вносилась определенная пропорциональность и планомерность в организацию пожарной охраны.

Основные черты и особенности этой табели заключались в том, что все города по числу жителей разделены были на семь разрядов (1-й с населением до 2-х тыс. и 7-й от 25 до 30 тыс.) (*Бородин Д. Н. Пожар-*

ное дело в царствование дома Романовых. С. 50). В 1864 г. в г. Иркутске проживало 26 597 чел., следовательно, он был отнесен к 7-му разряду. В Чите — 2 500, Верхнеудинске — 3 000 жителей — 2 разряд. Четко определялся личный и конский состав пожарной команды, а также численность пожарного оборудования. Что касается личного состава, то по табели был установлен только один брандмейстер в каждом городе, и то с населением свыше 5 тыс., в городах же с населением менее чем 5 тыс. — брандмейстер не полагался. Число унтер-брандмейстеров определялось также в зависимости от числа жителей конкретного города, а именно: в городах с населением от 5 до 15 тыс. полагалось 2 унтера, от 15 до 25 тыс. — по 4 и в 7-м разряде городов — по 5 унтер-брандмейстеров, число рядовых служителей требовалось в количестве 5 — в городах 2-го разряда, с населением в 5 тысяч и затем поднималось по разрядам городов и доходило до 70 в 7-м разряде городов, с населением от 25 до 30 тыс. (*Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1866. С. 7*).

Число повозок для команд и лошадей для доставки их на пожары также исчислялось от разрядов городов — по 2 трубных повозки и 7 лошадей в 1-м разряде и по 6 повозок и 60 лошадей — в 7-м разряде городов. Линеек для перевозки команды имелось не более 2-х, бочек от 4 до 16 и багровых ходов — не более 2-х в каждой команде. Особенно много полагалось по табели топоров, ломов, лопат, багров и крюков (*Бородин Д.Н. Указ. соч. С. 50*). Такое количество, на первый взгляд лишнего инструмента, можно было обнаружить во многих селениях губернии. Объясняется это тем, что при недостатке воды, отсутствии водопроводов, скученности деревянных построек — тактика огнетушения в основном заключалась в ломке горящих и загорающихся зданий и растаскивании бревен.

При всех своих недостатках организация пожаротушения, особенно в городах Приангарья до промышленного переворота 70–80-х гг. XIX в. в определенной степени все-таки достигала цели. К концу XIX в. в Иркутской губернии насчитывалось 5 городов: Иркутск, Балаганск, Бодайбо, Киренск, Илимск; в Забайкалье — 7: Чита, Акша, Баргузин, Верхнеудинск, Мысовск, Нерчинск, Селенгинск.

Города при отсутствии удобных путей сообщения и слабом развитии торгово-промышленной деятельности, представляли собой центры, в большинстве своем незначительные. За исключением Иркутска, насчитывавшего к концу века 48 тыс. чел. Численность других городов была очень незначительна: от 800 — до 3 тыс. чел. (Чита — 3 тыс., Верхленске — 1 тыс. чел. и т.д.).

Слабая заселенность губернии, относительная дешевизна земли, позволяли окружать дома большими огородами, между домов существовали пустопорожние пространства, что значительно сокращало возможность распространения пожаров и облегчало борьбу с ними. Что же касается деревень, то помимо существенного простора в расселении,

обилие и дешевизна леса обеспечивали сравнительно небольшую убыточность, даже при крупных пожарах.

Со второй половины XIX в. ситуация начинает резко меняться. С быстрым ростом городов (в результате переселенческих тенденций на рубеже веков), усилением их торгово-промышленного развития началась сплошная их застройка с повсеместным нарушением правил, быстрое же возрастание стоимости лесных материалов отразилось на увеличении убыточности пожаров.

Эти изменения совпали с распадом прежней пожарной организации. В 1856 г. была отменена пожарная повинность, а с введением Городового Положения 16 июня 1870 г. заботы об устройстве пожарной части в городах были переданы ведению городских управлений. Городским Думам было предоставлено право издания обязательных постановлений по принятию мер предосторожности против пожаров, и на городские средства отнесено устройство и содержание пожарных команд (*Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск, 1909. С. 12*).

Указом от 16 июня 1873 г. принимается дополнение к ст. 64 Положения о Земских учреждениях, в котором речь шла о составлении планов на устройство селений. Так как земств в Сибири не было, реализацией этого положения занимались местные власти (*Пуришкевич В. Национальное бедствие России. СПб., 1909. С. 20*).

До издания закона 16 июня 1873 г. наблюдение за правильностью построек в селениях и планирование их лежало на обязанности местных административных учреждений, и в Строительном Уставе были установлены в этом отношении подробные правила, причем по смыслу статей 477–504 составленные местным начальством и утвержденные губернатором. На сельских сходах, в соответствии со статьей № 489, составлялся приговор о том, кому и как, под каким номером достанется по жребию или взаимному соглашению отведенное по плану место. Выбираемые кое-где (Урик, Мальта, Балаганск, Нерчинский завод, Черемхово) пожарные старосты тяготились этой обязанностью, не сознавая ответственности по своей малограмотности и отсутствию элементарных понятий по пожаротушению. С учреждением пожарных команд начинается и строительство пожарных депо — съезжих домов с каланчами, в которых размещались полицейские и пожарные учреждения.

Первое специальное пожарное здание в губернии было построено в Иркутске в 1860 г. на месте сарая по Арсенальной улице, где размещалась ранее III-я пожарно-полицейская часть (позднее переехавшая на Преображенскую улицу).

Итак, к середине прошлого века в основном завершается оформление организационной структуры пожарной охраны: были определены штатные нормативы для городов с различной численностью населения,

начиналось строительство пожарных депо для размещения пожарных команд, были узаконены подчиненность и финансирование пожарных служб, появляются первые профессиональные пожарные команды.

Е. В. ШАЛЯГИНА

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ КОРЕЙЦЕВ В НАЧАЛЕ XX в.

Политика навязывания неравноправных кабальных договоров и соглашений, которая в конечном итоге привела к ликвидации самостоятельности Кореи и установлению японского протектората, стала проводиться японским правительством сразу после русско-японской войны 1904–1905 г. Правящие круги Японии провели ряд экономических, политических и дипломатических мер, направленных на полную ликвидацию остатков корейской независимости.

Особое беспокойство у японского правительства, завоевавшего право хозяйничать в Корее ценою кровопролитной русско-японской войны, вызвали проявления антияпонской оппозиции в России. Опасаясь, что царское правительство вновь может разыграть «корейскую карту», Токио поспешил принять меры к установлению контроля над корейскими иммигрантами на Востоке России. С этой целью усилиями генерального консульства Японии во Владивостоке и Ассоциации японских резидентов были созданы прояпонские общества, состоящие из корейцев-иммигрантов — Секжонконсенхой, Менсен, Куононхой, Общество прогресса (Ильтинхой), Общество корейских резидентов (Тёсэн кёрюминкай). В задачи общества входило привлечение русских корейцев на свою сторону, для чего японцы тратили громадные суммы (*Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 2*).

В то же время установление японского протектората над Кореей повлекло за собой рост национально-освободительного движения корейцев. В этой борьбе активно участвовали корейцы Дальнего Востока России. Они проводили антияпонскую пропаганду, осуществляли сбор материальных средств, одежды и продовольствия, организовывали восстания и формировали вооруженные отряды повстанцев «ыйбён», которые переправлялись на территорию Кореи для борьбы с японскими оккупантами.

Антияпонское движение за независимость Кореи охватило весь Уссурийский край. Большую помощь повстанцам оказывало население. Несмотря на то, что царские власти предпринимали всевозможные меры по пресечению действий отрядов «ыйбён», отдельные группы повстанцев, в основном из отрядов Ли Бомюна, продолжали действовать в Северной Корее. Руководство повстанцев находилось во Владивостоке.